

Петр Вельяминов: Родовая военная профессия — Социальное происхождение — «из бояр»

В 1973 г. Вельяминов снялся в роли командира счастливой «Щуки»...

Петр Сергеевич живет на Миллионной, в двух шагах от Эрмитажа и Дворцовой площади. По питерским меркам, центровке некуда. Про другого сказали бы: «Повезло». Про Вельяминова так говорить не станут. Заслужил.

— Неверно записал номер вашего, Петр Сергеевич, дома, по ошибке пришел к Эрмитажу и пошел обратно, хотя мог бы, наверное, и в Зимнем дворце поискать Вельяминовых. Думаю, нашел бы.
— Обязательно. В зале героев войны 1812 года висит портрет Ивана Александровича Вельяминова, генерал-лейтенанта, члена Военного совета при Александре I. После Отечественной войны он занимал пост генерал-губернатора в Западной Сибири. Еще лед известен тем, что первым перевел с французского на русский трагедию Шекспира «Отелло».
— Наверное, все-таки с английского?
— Русские дворяне учили французский, получился двойной перевод...

«Что мне — требовать у Лужкова вернуть Владыкино?»
— Брат Ивана Александровича Алексей служил начальником штаба у Ермолова, участвовал в Крымской войне, и в его честь город Туапсе императорским указом переименовали в форт Вельяминовский. Другой мой предок, Николай Александрович Вельяминов, был известным военным хирургом, лейб-медиком, академиком, четыре года возглавлял Военно-медицинскую академию в Питере, в первую мировую командовал санитарной службой русской армии. В геральдической книге Российской империи написано, что Вельяминовы «служили престолу в боярах, окольных и других знатных чинах, жалованы были поместьями».

— И где же ваши родовые имения, Петр Сергеевич?
— Их много. Например, в Рязанской губернии. И под Москвой есть деревня Вельяминово. Как-то меня пригласили туда. Местный начальник стал расспрашивать, не было ли у нас в роду декабристов. Нет, говорю, но на этом месте Дмитрий Донской подбил Тимофея Вельяминова, воеводу московского.
— Серьезное заявление... Предъявлять права на недвижимость не пробовали?
— Пока такая мысль не посещала. А надо?
— Александр Пороховников пытается отсудить фамильный особняк в центре Москвы...
— Забавы! Когда-то нашими поместьями были Владыкино и Марфино, прикажете их требовать у Лужкова? В Москве, кстати, есть улица Вельяминовская в районе станции метро «Семеновская».

— Хотя бы квартиру вам выделили там по случаю...
— Спасибо за заботу, но у меня вроде бы и так есть крыша над головой... Помните запеваль? Не верь, не бойся, не проси... Но вы не дали завершить рассказ. Наш род ведет историю с одиннадцатого века, когда племянник норвежского короля привел трехтысячную дружину в Киев к Ярославу Мудрому.

— Я радовался свободе и не хотел изводить себя терзаниями о том, кто виноват в случившемся со мной. Всегда любил свою страну. Отец меня так воспитал. Он ни разу не сказал дурного слова о России. Конечно, в нем жило ощущение несправедливости, восемнадцать лет лагерей даром не прошли, но папа и в мыслях не держал, чтобы отомстить кому-то, свести счеты. Более того, после первого срока он служил в системе ГУЛАГа.

«Писал Сталину: просил отправить хоть в штрафбат»
— Круто!
— А ничего другого ему не предлагали. Везде сразу требовали анкету, читали биографию и указывали «врагу народа» на дверь. Отцу только и оставалось, что идти туда, откуда вышел. Меченый...
— Вель и в моем личном деле в графе «Социальное происхождение» была запись: «Из бояр». Поверьте, это хуже клейма. Порой

Я ведь мог и не дожить до Дня Победы. Сами понимаете, какая еда в лагере, а у меня организм молодой, растущий. Словом, похудел до 47 кило и заремел в лазарет в крайней степени истощения. Еще немного — и отдал бы Богу душу. К счастью, нашлись добрые люди, помогли встать на ноги, перевели в бригаду малолеток, определили собирать ящики для снарядов. Там и пересидел самое трудное время. Из зоны вышел 9 апреля 52-го года. Надо было как-то устраиваться в жизни. О карьере военного и не мечтал. Правда, много позже мне все-таки довелось примерить офицерский китель — на экране. В фильме «Версия полковника Зорина» был крупным милиционерским начальником, а в «Возвращении резидента» вообще сыграл роль генерала КГБ.
— Почему не отказались?
— Это моя профессия...
— Раз снимались с Георгием Жженювым, то наверняка в курсе, что он просидел много лет в ГУЛА-

ге. Как-то я беседовал с ним об этом. Точнее, пытался. Георгий Степанович ушел от разговора, а потом, визируя интервью, оставил пометки на каждой странице, словно на протоколе допроса. Я прямо-таки физически ощутил, как глубоко сидит лагерь в Жженюве...
— Испытываю искреннюю симпатию к этому человеку. Он многое перенес, и не нам его судить. А вы такие вопросы задаете... Что мог сказать Жженюв? Или что отвечает мне, когда спрашивают, обижен ли я на страну? Меня лопала система, сопротивляться которой было бессмысленно. Другое дело, что машина террора состояла из конкретных людей с именами и фамилиями, и я оценивал поведение каждого, не прощая подлости и предательства. Понимаете, озлобиться на весь мир, обвинить его в своих бедах проще всего. Скажем, я ведь так и не смог получить высшего образования. Попробовал поступить в ГИТИС, но мне быстро дали понять, что не стоит зря силы тратить. Я не имел права жить в Москве и поначалу приезжал туда тайком. И реабилитировали меня только в 1984 году, через тридцать с лишним лет после освобождения.
— Почему так долго тянули?
— Если бы знал! Неоднократно подавал прошения, но получал отказы. И только в 84-м вдруг вы-

...а в 2002-м его позвали на премьеру голливудского фильма «К-19». Справа — режиссер Катрин Бигелова

бессильно плакал, доведенный до бешенства унижительными полонериями. Помню, приехал в Дзержинск Горьковской области, устроился в местный театр, не успев оглядеться, как приходит участковый и заставляет заполнять кипу бумаг, мол, у нас режимный город... Ужасно жить, постоянно чувствуя на себе косые взгляды. Хочется отряпнуться, оправдаться, а непонятно, в чем твоя вина...
— Вот вы спрашивали, все ли мои предки военные... Знаете, как мне было горько, что я не попал на Великую Отечественную? Писал Сталину, просил отправить на фронт, хоть и в штрафбат, но ответа не получил. До сих пор в День Победы с завистью смотрю на ветеранов... Я должен был стать офицером, должен! Если бы не арест, пошел в военно-морское училище. Сражался бы с фашистами, а не сидел в Бутырке. Этапная камера располагалась в бывшей тюремной церкви, и я вместе с другими эсками прислушивался к доносившимся сквозь кирпичные стены звукам салюта...

Государственную премию за «Вечный зов» мне дали, видимо, по ошибке. Кто-то из гэбистов прошляпил, пропустив мою фамилию.

Просыпался в холодном поту...
— Никогда не забуду день освобождения, ирреальное состояние, которое испытал. Меня же взяли шестнадцатилетним, не знаям жизни пашаном. Я и представлял не имел о мире за колючей проволокой. Переступил черту и остановился. За спиной, по ту сторону забора, остался мой приятель, которому предстояло отсидеть еще два года, он что-то говорил, но я ничего не слышал... Пьянящий воздух свободы — не литературное преувеличение, в самом деле кружилась голова... А еще я благодарил судьбу за подарок в виде роли сенатора Макферсона в спектакле «Русский вопрос». Это было в 1951 году на строительстве Куйбышевской ГЭС. Моя игра так понравилась лагерному начальству, что мне списали сто девятно три дня.
— Почему такая странная цифра — 193? Не сто девяносто и не двести...
— Загадка! Хотя тогда я не задумывался о таких вещах. Скостили срок — и спасибо.
— Спасибо? Шутите...

временем многое подзабылось, но когда бываю в гостях у троюродной сестры в Швейцарии, все быстро всплывает в памяти.
— Но дело ведь не только в языках. Родители прививали чувство собственного достоинства, личным примером доказывая: в жизни нет ничего дороже чести. Это помогло, я никогда не отчаивался, даже в самые трудные минуты верил, что смогу вынести любой удар, справлюсь, восторжествует и моя судьба сложится хорошо. Разве не чудо, что создатели «Тени» увидели меня в Свердловске и пригласили на главную роль? Я двадцать лет скитался по провинциальным театрам, ни разу не снимался в кино — и вдруг такое предложение. Это счастье! И ведь картина получилась не проходной, раз ее до сих пор продолжают регулярно показывать по телевидению!
— Смотрите?
— Отрывками. Вспоминаю события теперь уже более чем тридцатилетней давности. У нас была замечательная команда, блестящий актерский состав. Жаль, многие ушли невостребованными...
— В быту скромным. Женат четыре раза

— А как вас в Питер занесло, Петр Сергеевич? Вы так долго подбаливали к Москве, в 72-м году получили место в «Современнике», потом работали в Театре киноактера и вдруг все бросили...
— Занесило сюда меня и раньше. Впервые приехал в Ленинград еще в 1936 году к папиному брату. Помню, увидел Неву и даже растерялся, что Москва-река такая узкая. Тут похоронены мои предки, в Питере жил и учился отец. Кстати, в доме, где мы с вами сейчас находимся, когда-то располагались офицерские казармы Павловского училища, которое окончил папа. Такие вот странные переплетения случаются в жизни...
— Окончательно в Питер я переехал одиннадцать лет назад. По личным обстоятельствам. Обычно в разговоре с прессой ограничиваюсь этой фразой, но коль уж вам так хочется знать все, могу добавить: переезд предшествовал долгий роман, я фактически жил на два дома и две семьи, пока не понял, что нужно определяться.
— Это ваш четвертый брак?
— Да. Помню, как-то еще в советское время партийная комиссия обсуждала мою кандидатуру перед выездом за границу: тогда порядок был такой, требовалось разрешение руководящих товарищей... Словом, зачитываю мою характеристику с места работы: «В быту скромным. Женат три раза». Посмеялись товарищам коммунистам и отпустили... 6 октября будет пятьдесят лет, как я в браке. Правда, с разными женщинами, поэтому золотой свадьбы не получится...
— Татьяна моложе меня на тридцать с лишним годков. Она работала диспетчером на стройке, потом перешла в банк, а когда связала судьбу со мной, уволилась, посчитав, что теперь главное ее дело — забота обо мне.
— С детьми общаетесь?
— Не слишком часто. У каждого своя жизнь. Катя, старшая, живет в Омске, играет в местном ТЮЗе. Честно говоря, не хотел, чтобы шла по моим стопам, но дочка настояла. Стала хорошей актрисой. Сергей тоже получил театральное образование, даже снял-

ся со мной в картине. Потом еще какое-то время играл, но в итоге сменил вид деятельности. Живет в Москве, занимается бизнесом. Не слишком крупным. Родил мне внука Петра. Впрочем, в Омске у меня уже и правнучка есть.
— Как зовут?
— По-моему, Анастасия. Не знаю. Не помню... Но вы не подумайте ничего такого. Они все меня любят. И я их.
— Вы еще одну дочку назвать забыли, Петр Сергеевич.
— Ира тоже начинала учиться в Шукшинском училище, ее хвалили в Театре Вахтангова, но... но... я не хочу о ней говорить.
— Значит, то, что писали в газетах, правда? Будто Ирина в состоянии аффекта ела не убила дочь, вашу внучку, а потом пыталась поджечь квартиру и покончить с собой?
— Если знаете, зачем спрашиваете? Не заставляйте говорить об этом. Больно... Не могу ни понять, ни прокомментировать того, что стряслось. Выше моих сил.

«Я не отказываюсь от дочери, но...»
— Но ведь детей, как и родителей, не выбирают.
— Я не отказываюсь от дочери, но и слышать о ней не хочу.
— Лизу не думали забрать к себе?
— Внучка совсем маленькая, а я не в том возрасте, чтобы нян-

чить малышей. В конце концов, у девочки в Москве есть отец, две бабки, другая родня.
— А что с Ириной?
— Ничего не желаю знать о ней! Пусть суд решает. Все, что мог, я уже сделал. Видимо, этого оказалось мало, чтобы отвести беду... Я в самом деле стараюсь гнать от себя эти мысли. Изменить ведь ничего уже нельзя, остается лишь молиться Богу.
— Так и делаете?
— Не могу назвать себя истово верующим, посты строго не блюду, но считаю, что без надежды человеку никак нельзя. Крестил меня в детстве, девятилетним. Рассказываю, будто так уж вышло попа за бороду, что потом долго отодирать не могли... Моя тетя по материнской линии была монашкой, помню, ходила с ней в церковь на Шаболовке...
— Хотел галстук пионерский при входе снимать?
— Одно другому совсем не мешало. Папу очень любил, кулики... В последнее время моим любимым занятием стали воспоминания. Это так увлекательно! Оказываюсь, память хранит очень многое, даже запахи.

— Чем пахнет ваше детство?
— Снегом. Чистым январским снегом... ЦПКиО, коньки... А какие американские горки раньше были в Ленинграде! Сказка!
— Последнее место вашей работы в Питере — Театр комедии. Достаточно неожиданный выбор. Все-таки у вас имидж серьезного человека.
— Как говорится в телерекламе, имидж — ничто, жажда — все... Всегда хотел играть. А где?.. Я вам

уже рассказывал про чувство саможирности. Когда спрашивают, как отношусь к себе, отвечаю: «С пониманием».
— А к другим?
— По мере сил. Я не всепрощаю, но и не народный мститель, даже поведению врагов стараюсь найти объяснение. В крайнем случае мысленно вычеркиваю человека из своей жизни, ставлю волею его имени прочерк. Хорошо это или плохо? Не знаю. Все в нашей судьбе заранее предначертано, и правильно, что мы не знаем будущего. Помните, у Игоря Северянина? «Встречаются, чтоб расставаться, влюбляются, чтоб разлюбить. Мне хочется расколоться...» Ну и так далее. Никто не скажет, что ждет нас завтра, но сегодня надо жить, встречаться, влюбляться.
— Готовы к подвигам, Петр Сергеевич?
— Как пионер! А если серьезно, важно поставить красивую точку, не смазать финал. Думаю об этом...

■ Андрей Ванденко. Петербург — Москва.

фото Игоря Гневашева

Вельяминов Петр

10.08.2003